

22.11.2021

За тем, что происходит в Афганистане и вокруг него, следит сегодня весь мир, в том числе очень многие люди в нашей стране. Но, пожалуй, мало кто следит так пристально, как Дарья Митина. Она достаточно известный человек: левый политик, этнолог, бывший депутат Госдумы. Но поскольку не всем известны детали биографии Дарьи Александровны, имеет смысл представить ее еще раз. Итак, знакомьтесь: Дарья Митина - внучка Мухаммеда Юсуфа, премьер-министра Королевства Афганистан в 1963–1965 годах.

Митина Дарья Александровна. Родилась в 1973 году в Москве. Мать: Наталья Митина, киносценарист. Отец: Касем Искандер Ибрагим Мухаммед Юсуфзай, режиссер и оператор, создатель и руководитель национального афганского телевидения.

В 1995 году окончила исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. С начала 1990-х - активный участник коммунистического движения. Депутат Государственной думы второго созыва (1995–1999 годы) - фракция КПРФ.

В 2001–2007 годах - на госслужбе: работала начальником отдела в Министерстве промышленности, науки и технологий РФ, затем - начальником отдела в Министерстве образования и науки РФ. С 2015 года по настоящее время - директор департамента Института инновационного развития.

С 2014 года - секретарь ЦК Объединенной коммунистической партии по международным вопросам. Историк, этнолог (специалист по Передней и Центральной Азии), киновед, кинокритик, журналист.

- Дарья Александровна, первый вопрос, который возникает после знакомства с вашей биографией, возможно, покажется не деликатным, но обойти его, поскольку речь пойдет о вашей семье, никак нельзя. Почему вы Александровна? Ваше отчество - производное

от второго имени вашего отца - Искандер или тут какая-то более сложная история?

- История, можно сказать, более сложная. Мои родители познакомились во время учебы во ВГИКе. Мама училась на сценарном факультете, папа - на режиссерском и операторском. Советским людям тогда нельзя было одновременно учиться на двух факультетах, а иностранцам почему-то разрешалось.

В Советском Союзе тогда училось много афганцев. Не секрет, что СССР очень много вкладывался в Афганистан - не только после революции 1978 года, но и в дореволюционный период. Отношения были очень комплиментарными на протяжении всего XX столетия, при всех режимах.

Они начали встречаться, причем у отца были самые серьезные намерения. Познакомился с маминой семьей, регулярно бывал дома. Он очень ждал моего появления, радовался тому, что у него будет ребенок, строил планы. Хотел зарегистрировать брак и уехать вместе с нами в Кабул. Но мама категорично заявила, что никуда не поедет.

По словам мамы, она не смогла бы там выжить: уклад жизни был совсем непривычным. Кроме того, у мамы вся жизнь была здесь: работа, творческие планы - она была человеком кинематографа. В общем, мама честно сказала папе, что у них ничего не получится. Он пошумел-пошумел, поскандалил-поскандалил, а потом поехал домой - делать национальное телевидение.

Когда я родилась, маме не порекомендовали указывать в метрике имя отца - Касем Искандер Ибрагим Мухаммед Юсуфзай. И встал вопрос, как меня записать. А у мамы был поклонник, однокурсник по ВГИКу, который был безнадежно в нее влюблен. Звали его Александр Родионов. И он ей предложил: "Раз уж не судьба нам быть вместе, то хоть ребенка запиши на мое имя". Мама сказала: "Да ради бога". И записала. Так я и стала Александровной.

Но поскольку у отца в его многосоставном имени, как вы правильно заметили, есть имя Искандер, аналог русского Александра, каких-то противоречий тут действительно нет.

- Вы встречались с отцом?

- Да, но я тогда была совсем маленькой. Естественно, я ничего не помню. Он приезжал, общался с нами. А потом мама сказала, что, поскольку она не собирается жить с ним одной семьей, он не должен травмировать ребенка. И встречалась с ним уже без меня. Но он все равно привозил какие-то подарки. Подаренный им столик, например, до сих пор жив-здоров.

- Википедия сообщает, что ваш отец был "создателем и руководителем афганского национального телевидения". Все верно?

- Да, тут все верно. Он был многолетним руководителем первой афганской "кнопки". Находился в этом качестве вплоть до своей гибели. Он не был коммунистом, но с большим почтением относился к Советскому Союзу. Многие его друзья были членами Народно-демократической партии Афганистана. Тем не менее свержение в 1992 году Наджибуллы и приход к власти моджахедов на нем почти никак не отразились. Его не только не уволили, но даже в редакционной политике каких-то особых изменений не произошло. Видимо, моджахеды не придавали особого значения информационной политике. Он работал еще четыре года - до захвата Кабула талибами (движение "Талибан" - террористическая организация, запрещенная в РФ. - "МК").

- Как он погиб?

- По той информации, которая у меня есть, в тот день, когда талибы вошли в Кабул, 27 сентября 1996 года, отец находился на своем рабочем месте. Телецентр был в числе объектов, захваченных ими в первую очередь, в первые часы. Многие из коллег отца погибли там же, в телецентре. Это была настоящая бойня: ворвавшись в здание, боевики ходили по этажам и стреляли по всем, кто попадался на глаза.

Но поскольку отец был руководителем и талибы знали об этом, то он удостоился особой "чести". Они схватили его и стали мучить, пытать. Просто издевались в силу своих садистских наклонностей или чего-то хотели от него - неизвестно. А затем его повесили.

В тот же день. Казнь произошла неподалеку от телецентра.

Казни тогда шли по всему Кабулу. Специальных виселиц талибы не сооружали: вешали на чем придется - на заборах, уличных фонарях, перекладинах... Весь мир облетели кадры с повешенными Наджибуллой и его братом Шапуром Ахмадзаем. О других жертвах талибов почти ничего не говорили и не писали. Между тем в те дни погибли сотни, если не тысячи. Убивали чиновников, партийных руководителей, военных, представителей интеллигенции... Кровь лилась рекой.

- Когда и как вы узнали о смерти отца и обстоятельствах его гибели?

- Когда по телевизору передали, что талибы захватили столицу Афганистана и повесили Наджибуллу с его братом, - это был ночной выпуск новостей, - я разбудила маму и рассказала об этом. Мама тогда закрыла лицо руками и сказала: "Ну все, в живых там никого не останется". Ну, то есть никакой точной информации еще не было, но ощущение, что отец не выжил, возникло уже тогда, сразу.

Ну а потом постепенно, по кусочкам стала восстанавливаться картина случившегося. Что-то мне рассказала моя сводная сестра Самия, дочь отца от официального брака: через несколько лет после расставания с мамой он женился на женщине из Азербайджана. Что-то - друг отца, известный афганский кинорежиссер Сиддик Бармак. Что-то я узнала из других источников.

- Известно, где похоронен ваш отец?

- Нет. Никто этого не знает.

- Почему он не уехал? Не было такой возможности или были какие-то иллюзии в отношении талибов?

- У него было много возможностей покинуть страну. Он мог уехать, например, к своим родственникам в европейские страны: значительная часть семьи на тот момент уже жила на Западе. А перед самым падением Кабула Сиддик Бармак уговаривал его бежать вместе на север - в Панджшер, к Масуду (афганский полевой командир, министр обороны Афганистана в 1992–1996 годах. - А.К.).

Сиддик сам рассказал мне об этом. Ахмад Шах Масуд был таджиком, но принимал у себя многих пуштунов, которым грозила опасность при новой талибской власти. Но отец наотрез отказался. Сказал, что хочет разделить судьбу своего народа. В итоге Сиддик уехал к Масуду один. По его словам, он до сих пор чувствует свою вину за то, что не смог тогда уломать отца.

Никаких иллюзий в отношении талибов у отца быть не могло: всем уже было понятно, что они собой представляют. Его многие предупреждали, говорили, что ему нельзя оставаться. Но, наверное, он все-таки не ожидал, что все закончится так трагически. Впрочем, мне сложно судить о том, что у него тогда было в голове - осознанно ли он обрек себя на смерть или все-таки на что-то надеялся.

По рассказам мамы, по рассказам того же Бармака, по рассказам родственников, отец был человек очень цельный - упертый в хорошем смысле этого слова. Скажем, маму он "осаждал" многие годы. Даже когда она сказала свое окончательное "нет", все равно продолжал ездить, настаивать, уговаривать... А еще он был из тех, кого называют государственниками. Вся его жизнь была посвящена интересам страны. Он не мыслил себя без Афганистана.

- А с вашим не менее знаменитым дедом, Мухаммедом Юсуфом, вам когда-нибудь приходилось встречаться?

- Нет, не приходилось.

- Он вообще знал о вашем существовании?

- Конечно, знал. Но встречи ни он, ни я не искали. У меня, во всяком случае, такой идеи не возникало. Впрочем, и времени для этого было отпущено не так много: дед всего на год с небольшим пережил своего младшего сына - моего отца. В последние годы он жил в Германии.

- Что это все-таки была за личность? Какое у вас сложилось о нем мнение - как о человеке и как о политике?

- Ну, во-первых, это был человек высочайшей порядочности. И очень совестливый. Это понятно по всему ходу его карьеры. Он, кстати, стал первым премьер-министром Афганистана, который не был членом королевской семьи. Свой пост он получил не по праву рождения, а за заслуги. Хотя, разумеется, тоже принадлежал к элите, к высшей афганской аристократии.

Дед был назначен главой правительства в марте 1963 года, а через два с половиной года, в октябре 1965-го, подал в отставку - после того, как полиция застрелила двух студентов во время разгона в Кабуле студенческой демонстрации. Приказ отдал не он, никто не обвинял лично его в смерти студентов, тем не менее дед ощутил личную ответственность за эту трагедию.

Дело было, судя по всему, еще и в том, что он долгое время был заместителем министра образования и курировал как раз высшее образование в стране. Поэтому все, что касалось студенческой жизни, он воспринимал очень болезненно.

Названы провалы американских спецслужб при бегстве из Афганистана

Это поступок характеризует его вполне определенным образом. В отличие от многих наших высших чиновников, цепляющихся за власть до последнего, он таким человеком не был. Я спрашивала о деде многих афганцев, и никто не сказал о Мухаммеде Юсуфе дурного слова. У всех сохранились о нем очень хорошие воспоминания.

Кстати, даже Бабрак Кармаль (председатель президиума Революционного совета

Демократической Республики Афганистан в 1979–1986 годах. - А.К.) рекомендовал советскому руководству привлечь обосновавшегося на Западе Мухаммеда Юсуфа к процессу национального примирения как имеющего большой авторитет в народе.

После отставки с поста премьера он находился исключительно на дипломатической работе. Был послом в СССР. Долгое время был послом в ФРГ, где потом, после уезда в эмиграцию, и обосновался.

Дедушка был страшным германофилом. Он был, наверное, первым из представителей афганской власти, кто прервал традиционную ориентацию на Великобританию. Вся тогдашняя афганская элита была англоговорящая, а дед окончил лицей с обучением на немецком языке. Был тогда в Кабуле такой лицей - "Неджат". Он был очень образованным человеком. И отца моего воспитывал так же - на мировой литературе, на мировой музыке.

Отец был страстным битломаном, считал себя человеком европейской культуры. Хотя традиционные представления тоже давали о себе знать. Мама рассказывала, что, когда они познакомились, она спросила у отца, сколько детей было в их семье. Он ответил: "Нас было шестеро. Я шестой, младший ребенок". Тогда мама спросила: столько было братьев, а сколько сестер? Он как-то странно на нее посмотрел и сказал: "Я тебе о братьях и говорю. Кто ж у нас сестер-то считает!"

- Это была, наверное, одной из причин, почему ваша мама не поехала в Афганистан.

- Ну да, это тоже, безусловно, сыграло свою роль. Но в принципе, когда родилась сначала я, а потом Самия, его взгляд на "женский вопрос", как я понимаю, сильно изменился. Он очень трепетно относился к нам обеим.

- В Афганистане сегодня остается какая-то известная вам родня?

- Никого не знаю. Все родственники, более-менее просматривающиеся по папиному генеалогическому древу, уехали из страны. Ну, те, кому удалось выжить. Многие

полегли - сначала в войне с моджахедами, потом в войне с талибами...

Моя сводная сестра Самия живет сейчас в США - в городе Чаттануга, прославленном в известной песне. Она сама меня нашла. Это было удивительно. Сначала она прочитала про меня в прессе, а потом связалась со мной через Facebook. У нее семья, дети. Она очень похожа на меня. Я так понимаю, что у нас обеих доминируют папины гены. Я гораздо больше похожа на отца, чем на маму.

Кто-то из родственников, насколько я знаю, обосновался в странах Персидского залива. Но большинство живет сегодня в Германии. Там целая колония. Никаких контактов с ними, правда, у меня нет. Кто-то знает про меня, кто-то не знает... Но мало ли у кого как сложилась жизнь.

Есть, кстати, родственники и в Москве. Здесь живет Кава Кармаль, младший сын Бабрака Кармаля, семья которого находится в родстве с семьей отца. Хотя и в очень отдаленном - седьмая вода на киселе. Я с ним знакома - когда-то оказались в одной компании. Как и с его братом Востоком, который живет в Минске, - отзывчивым человеком, всегда готовым прийти на помощь.

Когда мы познакомились, я, кстати, совершенно не знала, что мы родственники. Это выяснилось уже потом и достаточно случайно.

- Вы довольно часто высказываетесь сегодня на афганскую тему. Из каких источников вы черпаете информацию о происходящем там? Есть ли у вас какие-то эксклюзивные каналы?

- Ну, совсем эксклюзивные - это только общение с представителями афганской диаспоры. В дни переворота, в середине августа, когда талибы во второй раз захватили власть, многие афганцы обращались ко мне за помощью. И кому-то удавалось помочь. Например, я занималась судьбой депутата парламента Афганистана Захры Забули.

После прихода талибов ее жизнь как человека, который имел отношение к прошлой

власти, естественно, находилась под угрозой. Ее искали, она была во всех талибских списках. Она пряталась у знакомых. Понятно, что если бы она попала в руки талибов, ей бы, мягко говоря, не поздоровилось. Между тем почти у всей ее родни российские паспорта. Ее сын живет в Ростове-на-Дону. А у нее самой - вид на жительство в России.

Захра Забули обратилась в установленном порядке в российское посольство в Кабуле - попросила, чтобы ей разрешили улететь в Россию одним из эвакуационных бортов. Но наше замечательное посольство ей отказало. Отказало, прекрасно зная, какая там обстановка, какие идут чистки, что ей грозит, если она останется. Ей сказали, что эвакуируются только граждане Российской Федерации.

Она тогда стала искать помощь, и дело дошло до меня. Большое спасибо депутату Госдумы Сергею Шаргунову: я буквально ночью его разбудила и "загрузила" этой проблемой. Спасибо также Евгению Примакову, руководителю Россотрудничества, и представителям спецслужб - не будем их называть. Благодаря совместным усилиям всех этих добрых людей Захру Забули удалось спасти: в итоге, после долгих переговоров, она вылетела таджикским самолетом в Душанбе, оттуда в Москву и потом в Ростов-на-Дону - к сыну.

Это очень показательная, я считаю, история. Отказ нашего МИДа в лице посольства от помощи этой женщине - не случайность, не эксцесс бюрократической машины. Смотрите: российский посол в Кабуле Жирнов нахваливает талибов, рассказывает, какие они вменяемые, адекватные и вообще молодцы. Захра Забули и другие спасающиеся от талибов афганцы в эту устойчивую концепцию абсолютно не вписываются.

Наша дипломатия смотрит сегодня на талибов с оптимизмом. Совершенно непонятно, на чем основывающемся. Замир Набиевич Кабулов (спецпредставитель Президента РФ по Афганистану, директор Второго департамента Азии МИД России. - А.К.), архитектор нашей "победоносной" афганской политики, не устает доказывать, что нынешние талибы - уже не те бандиты, которые бегали по горам 25 лет назад. Что они сильно изменились за эти годы, многому научились, цивилизовались...

- Вы считаете, это не так?

- Конечно, не так. Идет огромный поток информации - с фотографиями, с видео - о том, как талибы наводят в Афганистане свои порядки. Некоторые ролики совершенно жуткие - дольше пяти секунд смотреть невозможно. Идут казни - и публичные, и непубличные. Расправляются с военнослужащими, полицейскими, журналистами, студентами, женщинами...

С публичными казнями, правда, талибы сейчас осторожничают: очень хотят, чтобы их признали на международном уровне и разморозили активы свергнутого правительства - сегодня доступа к этим активам у них нет. По той же причине они стараются не допускать совсем уж больших зверств в Кабуле. Это все-таки столица, витрина. Там находятся иностранные дипломаты и журналисты. Но то, что творится сегодня в провинции, даже представить страшно.

Однако наша медийная машина ничего этого не пропускает. Включив телевизор, вы не увидите никаких зверств. Вы увидите наших дипломатов и экспертов, которые рассуждают о хороших перевоспитавшихся талибах, не подтверждая это никакими фактами.

Нет, я, конечно, понимаю, что посол Жирнов находится там фактически в заложниках: периметр посольства охраняют бородатые ребята с автоматами. Но нельзя совсем уж унижаться! Некоторые страны, например, закрыли свои диппредставительства в Кабуле до лучших, как говорится, времен. И ничего. А что нас там держит, в чем наш профит от дружбы с талибами? Совершенно этого не понимаю.

- Насколько могу судить, одна из главных причин оптимистичного взгляда на талибов - это то, что они борются с ИГИЛ (ИГИЛ, или "Исламское государство", - террористическая организация, запрещенная в РФ. - "МК"). Чем бы, мол, ни тешились, лишь бы сдерживали игольцев, не допускали их до наших южных рубежей.

- То, что они сдерживают ИГИЛ, - абсолютный миф. ИГИЛ - сравнительно новое явление. До его появления главной страшилкой, главным жупелом была "Аль-Каида" (террористическая организация, запрещенная в РФ. - "МК"). И тот же самый Замир Набиевич Кабулов рассказывал, что талибы - замечательные ребята, которые будут бороться с "Аль-Каидой". На самом же деле они не то что не боролись с "Аль-Каидой" - это сейчас фактически единое целое.

С мая прошлого года у "Талибана" и "Аль-Каиды" - общие военные штабы. 15 августа талибы заняли Кабул, а уже 16-го туда прилетел глава афганского подразделения "Аль-Каиды". И талибы встречали его с почестями, на черном лимузине.

Да, с ИГИЛ у них более сложные отношения. Но то, что между талибами и игиловцами периодически происходят перестрелки, еще ничего не значит. Это исключительно борьба за влияние. Сами талибы тоже время от времени стреляют друг в друга. Это традиционный способ выяснения отношений в Афганистане, только и всего.

Да и с кем там бороться? По самым пессимистическим оценкам, по данным МООНСА, миссии ООН по содействию Афганистану, на всей афганской территории, во всех провинциях находится от двух до четырех тысяч бойцов ИГИЛ. Они там неравномерно распределены, где-то их больше, где-то меньше. Но в любом случае их не более четырех тысяч.

Что это такое - четыре тысячи для 30-миллионной страны? Ничто! Капля в море. Для сравнения: армия талибов на момент завоевания ими власти насчитывала 150 тысяч боевиков. Если кто-то в Афганистане действительно хотел бы бороться с ИГИЛ, никакого ИГИЛ там давно бы не было. Просто никто в этом не заинтересован.

Американцам это было не нужно, потому что ИГИЛ служило оправданием их присутствия в Афганистане. Ту же роль игиловцы играют и в случае с талибами. Именно на этом строится сегодня наша внешнеполитическая риторика: талибы нужны якобы для того, чтобы бороться с ИГИЛ.

Талибы - очень прагматичные ребята. Кого-то они убивают, с кем-то договариваются, с кем-то делят сферы влияния. Скажем, в северных таджикоязычных провинциях, где у них мало сил, они прекрасно взаимодействуют с игиловцами.

Используют они в своих целях и другие террористические группировки. Активно сотрудничают, например, с так называемым "Джамаатом Ансруллах", группировкой под руководством некоего Шарифова, выходца из Таджикистана, с "Исламским движением

Узбекистана" (террористическая организация, запрещенная в РФ. - "МК"), с другими террористами-отморозками.

И что, талибы будут стрелять в них в угоду мировому сообществу? Да никогда в жизни! Они все повязаны друг с другом, у них общий бизнес. Это одна джихадистская шайка-лейка.

- Ваш прогноз: надолго на этот раз пришли талибы?

- Ну, если первое их правление продолжалось пять лет, то сейчас, думаю, они продержатся гораздо меньше. Их власть подрывают в первую очередь экономические проблемы. Экономика на боку. При свергнутом ими правительстве ровно половину ВВП страны составляли внешние заимствования, предоставляемые Соединенными Штатами, Евросоюзом, азиатскими союзниками. Сейчас этого нет.

Любая помощь, которая оказывается сегодня Афганистану, - это гуманитарная помощь в натуральном выражении. Продовольствие, лекарства, ГСМ и так далее. А талибам нужны деньги, хотя бы минимальное количество свободных средств. Чтобы элементарно выплатить людям зарплату. Посмотрим, что будет дальше, но выхода из этого тупика пока не видно.

Экономическая неопределенность предопределяет неустойчивость политическую. На некоторых министерских постах у талибов уже сменилось по три министра. Это говорит о том, что внутри "Талибана" идет междоусобная война. Думаю, к весне там будет новое правительство - тоже талибское, но у руля окажутся другие люди.

Но света в конце тоннеля я в любом случае не вижу. Ну сбросят талибов, а что дальше? Политической силы, которая могла бы провести индустриализацию и обеспечить устойчивое, независимое развитие страны, пока, к сожалению, не просматривается.

